

ГЛАВА XIX.

Во время утренней прогулки я посетил Чарльзтаун. Среди изменений, слишком многочисленных, чтобы пытаться их перечислить, которые знаменуют собой столетний перерыв в этом квартале, я особенно отметил полное исчезновение старой государственной тюрьмы.

"Это было до моего дня рождения, но я помню, что слышал об этом", - сказал доктор Лите, когда я упомянул об этом факте за завтраком. "В настоящее время у нас нет тюрем. Все случаи отклонения от нормы лечатся в больницах, как атавизм в ваше время".

"Как атавизм!" - воскликнула я, вытаращив глаза.

"Ну, да", - ответил доктор Лите. "От идеи карательного обращения с этими несчастными отказались по меньшей мере пятьдесят лет назад, а я думаю, и больше".

"Я не совсем вас понимаю", - сказал я. "Атавизм в мое время был словом, применявшимся к случаям людей, у которых какая-то черта отдаленного предка проявлялась заметным образом. Должен ли я понимать, что преступление в настоящее время рассматривается как повторение наследственной черты?"

"Прошу прощения, - сказал доктор Лите с улыбкой наполовину юмористической, наполовину осуждающей, - но поскольку вы так недвусмысленно задали вопрос, я вынужден сказать, что факт именно таков".

После того, что я уже узнал о моральных контрастах между девятнадцатым и двадцатым веками, с моей стороны, несомненно, было абсурдно проявлять чувствительность к этому предмету, и, вероятно, если бы доктор Лите не говорил с таким извиняющимся видом, а миссис Лите и Эдит не проявили соответствующего смущения, я бы не покраснел. Но поскольку я осознал в каком времени живу, я густо покраснел.

"Раньше мне не грозила большая опасность быть самым тщеславным из-за своего поколения", - сказал я. "Но, на самом деле... теперь я не уверен"

"Это ваше поколение, мистер Уэст", - вмешалась Эдит. "Ваше знание и понимание зависит от того, в каком времени вы живете. И только потому, что вы сейчас живы в нашем времени, вам не надо извиняться".

«Спасибо. Я постараюсь думать об этом именно так, - сказал я, и когда мои глаза встретились с ее, их выражение полностью излечило мою бессмысленную чувствительность. "В конце концов, - сказал я со смехом, - я был воспитан кальвинистом и не должен удивляться, когда о преступлении говорят, как о наследственной черте".

"На самом деле, - сказал доктор Лите, - наше использование этого слова никоим образом не отражает смысл вашего поколения. В ваше время целых девятнадцать из двадцати преступлений. Если использовать это слово широко, чтобы охватить все виды проступков, были результатом неравенства в имуществе отдельных лиц. Нужда соблазняла бедных, жажда больших прибылей или желание сохранить прежние завоевания соблазняли зажиточных.

Прямо или косвенно, жажда денег, которая тогда означала все хорошее, была мотивом всех этих преступлений. Стержневым корнем огромного ядовитого нароста, которому механизм закона, суды и полиция едва могли помешать полностью задушить вашу цивилизацию. Когда мы сделали нацию единственным доверенным лицом богатства народа и гарантировали всем

изобильное содержание, с одной стороны, устраняя нужду, а с другой сдерживая накопление богатств, мы срезали этот корень. И ядовитое дерево, которое омрачало ваше общество, засохло, как тыква Ионы (Книга пророка Ионы 4 глава: 8 стих 8 строчка).

Что касается сравнительно небольшого класса насильственных преступлений против людей, не связанных с какой-либо идеей выгоды, то даже в ваше время они почти полностью ограничивались невежественными и скотскими; и в наши дни, когда образование и хорошие манеры являются не монополией немногих, а всеобщим стандартом, такие зверства являются ужасной трагедией всей нации.

Теперь вы понимаете, почему слово "атавизм" используется для обозначения преступления. Это потому, что почти все известные вам формы преступлений сейчас не имеют мотивации, и когда они появляются, их можно объяснить только проявлением наследственных черт. Раньше вы называли людей, которые воровали, очевидно, без каких-либо рациональных мотивов, клептоманами, а когда дело было ясным, считали абсурдным наказывать их как воров. Ваше отношение к подлинному клептоману в точности совпадает с нашим отношением к жертве атавизма, отношением сострадания и твердой, но мягкой сдержанности.

"Вашим судам, должно быть, нелегко приходится", - заметил я. "Поскольку нет частной собственности, о которой можно говорить, нет споров между гражданами по поводу деловых отношений, нет недвижимости для раздела или долгов для взыскания, для них не должно быть абсолютно никакого гражданского бизнеса вообще; и я думаю, что нет преступлений против собственности и очень мало любого рода, чтобы возбуждать уголовные дела. вы могли бы почти совсем обойтись без судей и адвокатов".

"Конечно, мы обходимся без адвокатов", - был ответ доктора Лите. "Нам не показалось бы разумным, в случае, когда единственным интересом нации является выяснение истины, чтобы в разбирательстве принимали участие лица, у которых был признанный денежный мотив приукрасить его".

"Но кто защищает обвиняемого?"

"Если он преступник, ему не нужна защита, поскольку в большинстве случаев он признает себя виновным", - ответил доктор Лите. "Признание вины обвиняемого для нас не является простой формальностью, как для вас. Обычно на этом дело и заканчивается."

"Вы же не имеете в виду, что человек, который не признает себя виновным, после этого освобождается?"

"Нет, я не это имел в виду. Его обвиняют не на легких основаниях, и если он отрицает свою вину, его все равно должны судить. Но судебных процессов мало, потому что в большинстве случаев виновный признает себя виновным. Когда он делает ложное заявление и его вина явно доказана, его наказание удваивается. Однако ложь у нас настолько презираема, что немногие преступники стали бы лгать, чтобы спасти себя".

"Это самая поразительная вещь, которую вы мне когда-либо говорили", - воскликнул я. "Если ложь вышла из моды, то это действительно "новые небеса и новая земля, на которых обитает праведность" (2-ое послание ап. Петра, Глава 3, стих 13), которые предсказал пророк".

"Таково, на самом деле, убеждение некоторых людей в наши дни", - был ответ доктора. "Они считают, что мы вступили в тысячелетнее царство, и теория, с их точки зрения, не лишена правдоподобия. Но что касается вашего удивления, когда вы обнаружили, что мир перерос ложь, то на самом деле для этого нет никаких оснований.

Ложь, даже в ваше время, не была обычным делом между джентльменами и леди, равными по социальному положению. Ложь страха была прибежищем трусости, а ложь обмана - уловкой мошенника. Неравенство людей и жажда приобретения в то время давали постоянную надбавку ко лжи. Но даже тогда человек, который не боялся другого и не желал обмануть его, презирал ложь.

Поскольку теперь все мы в обществе равны, и ни одному человеку нечего бояться другого или он ничего не может получить, обманывая его, презрение ко лжи настолько универсально, что, как я уже говорил вам, редко бывает, чтобы даже преступник в других отношениях был готов солгать. Однако, когда заявление о невиновности объявляется, судья назначает двух коллег для изложения противоположных сторон дела.

Насколько эти люди далеки от того, чтобы быть похожими на ваших нанятых адвокатов и прокуроров, преисполненных решимости оправдать или осудить, может показаться из того факта, что, если оба не согласятся с тем, что вынесенный вердикт справедлив, дело рассматривается повторно, в то время как что-либо похожее на предвзятость в тоне любого из судей, излагающих дело, вызвал бы шокирующий скандал."

"Правильно ли я понимаю, - сказал я, - что это судья, который излагает каждую сторону дела, а также судья, который его слушает?"

"Конечно. Судьи по очереди заседают на скамье подсудимых и в коллегии адвокатов, и ожидается, что они в равной степени будут сохранять судейский настрой как при изложении, так и при вынесении решения по делу. По сути, это система судебного разбирательства тремя судьями, придерживающимися разных точек зрения на дело. Когда они соглашаются с вердиктом, мы считаем, что он настолько близок к абсолютной истине, насколько это вообще возможно для людей".

"Значит, вы отказались от системы присяжных заседателей?"

"Это было достаточно хорошо в качестве противовеса во времена наемных адвокатов, а скамья подсудимых иногда была продажной, и часто срок ее пребывания в должности делал ее зависимой, но сейчас в этом нет необходимости. Никакой мыслимый мотив, кроме справедливости, не мог бы привести в действие наших судей".

"Как отбираются эти судьи?"

"Они являются почетным исключением из правила, согласно которому все мужчины увольняются со службы в возрасте сорока пяти лет. Президент страны из года в год назначает необходимых судей из числа лиц, достигших этого возраста. Число назначенных, конечно, чрезвычайно мало, а честь настолько высока, что она считается компенсирующей последующий дополнительный срок службы, и хотя в назначении судьи может быть отказано, это редко происходит. Срок полномочий составляет пять лет, без права на повторное назначение.

Члены Верховного суда, который является хранителем конституции, избираются из числа судей низшей инстанции. Когда в этом суде возникает вакансия, те из судей низшей инстанции, срок полномочий которых истекает в этом году, выбирают в качестве своего последнего официального акта того из своих коллег, оставшихся на скамье подсудимых, кого они считают наиболее подходящим для ее заполнения."

"Поскольку юридическая профессия не может служить школой для судей, - сказал я, - они, конечно, должны прийти непосредственно из юридической школы на скамью подсудимых".

"У нас нет таких вещей, как юридические школы", - ответил доктор, улыбаясь.

"Юриспруденция как особая наука устарела. Это была система казуистики, которую тщательно продуманная искусственность старого общественного порядка абсолютно требовала для ее толкования, но лишь несколько самых простых юридических максим имеют какое-либо применение к существующему положению в мире. Все, что касается отношений людей друг к другу, сейчас проще, вне всякого сравнения, чем в ваши дни.

Нам не должны быть нужны эксперты по расщеплению волос, которые председательствовали и спорили в ваших судах. Однако вы не должны воображать, что мы испытываем какое-либо неуважение к этим древним деятелям, потому что они нам ни к чему. Напротив, мы испытываем неподдельное уважение, доходящее почти до благоговения, к людям, которые одни понимали и были способны разъяснить бесконечную сложность прав собственности и отношений коммерческой и личной зависимости, связанных с вашей системой.

Что, в самом деле, могло бы создать более сильное впечатление о сложности и искусственности этой системы, чем тот факт, что было необходимо отделить от других занятий сливки интеллекта каждого поколения, чтобы создать группу экспертов, способных сделать ее хотя бы смутно понятной тем, чьи судьбы это определило.

Трактаты ваших великих юристов, труды Блэкстоуна и Читти, Стори и Парсонса стоят в наших музеях бок о бок с томами Дунса Скотуса и его коллег-схоластов как любопытные памятники интеллектуальной утонченности, посвященные предметам, столь же далеким от интересов современных людей. Наши судьи - просто широко информированные, рассудительные и сдержанные мужчины зрелых лет.

"Я не мог бы не упомянуть об одной важной функции младших судей", - добавил доктор Лите. "Это делается для рассмотрения всех случаев, когда рядовой промышленной армии подает жалобу на несправедливость в отношении офицера. Все такие вопросы рассматриваются и разрешаются без обжалования одним судьей, три судьи требуются только в более серьезных случаях. Эффективность промышленности требует строжайшей дисциплины в армии труда, но притязания рабочего на справедливое и внимательное обращение поддерживаются всей мощью нации.

Офицер командует, а рядовой повинует, но ни один офицер не занимает настолько высокого положения, чтобы осмелиться проявлять властность по отношению к рабочему самого низкого класса. Что касается невежливости или хамства со стороны должностного лица любого рода в его отношениях с общественностью, то ни одно из мелких правонарушений не вызывает большей уверенности в скором наказании, чем это.

Наши судьи соблюдают не только справедливость, но и вежливость во всех видах общения. Никакая ценность обслуживания не принимается в качестве компенсации за хамские или оскорбительные манеры."

Пока доктор Лите говорил, мне пришло в голову, что во всех его выступлениях я много слышал о нации и ничего о правительствах штатов. Покончила ли организация нации как промышленной единицы с государствами? Я спросил.

"Обязательно", - ответил он. "Правительства штатов вмешались бы в контроль и дисциплину промышленной армии, которая, конечно, должна была быть централизованной и единообразной. Даже если бы правительства штатов не стали неудобными по другим причинам, они стали излишними из-за поразительного упрощения задач управления с вашего времени. Почти единственной функцией администрации сейчас является руководство

промышленностью страны.

Большинство целей, ради которых раньше существовали правительства, больше не подлежат исполнению. У нас нет ни армии, ни флота, никакой-либо военной организации. У нас нет государственных департаментов или казначейства, нет акцизных или налоговых служб, нет налогов или сборщиков налогов.

Единственная функция правительства, как вам известно, которая все еще сохраняется, - это судебная и полицейская системы. Я уже объяснял вам, насколько проста наша судебная система по сравнению с вашей огромной и сложной машиной. Конечно, то же самое отсутствие преступности и соблазна к ней, которые делают обязанности судей такими легкими, сводит количество и обязанности полиции к минимуму".

"Но при отсутствии законодательных органов штатов, а Конгресс собирается только раз в пять лет, как вы проводите свое законодательство в жизнь?"

"У нас нет законодательства, - ответил доктор Лите, - то есть практически никакого. Редко бывает так, что Конгресс, даже когда он собирается, рассматривает какие-либо новые законы, имеющие последствия, и тогда он имеет право только рекомендовать их следующему Конгрессу, чтобы ничего не было сделано поспешно. Если вы на минутку задумаетесь, мистер Уэст, вы увидите, что нам не, о чем издавать законы. Фундаментальные принципы, на которых основано наше общество, навсегда устраняют разногласия и недоразумения, которые в ваше время требовали принятия законодательства.

"Полностью девяносто девять процентов законов того времени касались определения и защиты частной собственности и отношений покупателей и продавцов. Сейчас нет ни частной собственности, за исключением личных вещей, ни купли-продажи, и поэтому необходимость почти во всех законодательных актах, которые ранее были необходимы, отпала. Для Мерли общество было пирамидой, балансирующей на своей вершине. Все тяготения человеческой природы постоянно стремились опрокинуть его, и его можно было поддерживать в вертикальном положении, или, скорее, перевернуть (если вы простите за слабую остроту), с помощью сложной системы постоянно обновляемых подпорок, контрфорсов и канатов в форме законов.

Центральный конгресс и законодательные собрания сорока штатов, принимающие около двадцати тысяч законов в год, не могли достаточно быстро создавать новые опоры, чтобы заменить те, которые постоянно ломались или становились неэффективными из-за некоторого смещения напряжения. Теперь общество покоится на своем фундаменте и так же мало нуждается в искусственных опорах, как вечные холмы".

"Но у вас есть, по крайней мере, муниципальные органы власти, помимо одной центральной власти?"

"Безусловно, и у них есть важные и обширные функции по обеспечению общественного комфорта и отдыха, а также по благоустройству и украшению деревень и городов".

"Но не имея никакого контроля над трудом своих людей или средствами его найма, как они могут что-либо сделать?"

"Каждому поселку предоставляется право удерживать для своих собственных общественных работ определенную долю квоты труда, которую его граждане вносят в нацию. Эта пропорция, будучи отнесена к ней как к большой заслуге, может быть применена любым желаемым способом".

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/83668/2775450>